

Оборона вадии Даффера.¹

Пролог.

Едва уселась пыль после взлета последнего транспортного самолета C-17, как я в компании своего заместителя, посетил палатку, где располагался центр боевого управления² нашего батальона. Шел последний день октября. В рамках операции “Бдительное Прозрение” моя рота вместе с еще одной высадились на этом опустевшем аэродроме, затерянном посреди пустыни. Первыми здесь оказались сброшенные на парашютах подразделения батальона Рейнджеров. Аэродром построили русские в середине 1970-х, и вскоре он должен был стать передовой оперативной базой³ для всей бригадной боевой группы типа “страйкер”⁴.

Остальные подразделения бригады начнут прибывать завтра утром. До тех пор оборона аэродрома и оперативной базы полностью лежала на Рейнджерах и двух ротах “страйкер”, одна из которых была моей. К счастью, до наступления темноты оставалось приблизительно еще шесть часов, так что у нас было время осмотреться.

Под пологом палатки командир батальона изучал карту. Компанию ему составляли начальник оперативного отдела и сержант-помощник командира батальона по авиационной поддержке – СПКБАП⁵ – в звании мастер-сержанта. В распоряжении СПКБАП находилась только одна команда управления тактической авиацией (КУТА)⁶, которую удалось привезти на C-17 сегодняшним рейсом. Остальной персонал ВВС США с оборудованием должен был прибыть только завтра, вместе с штабом бригады. Комбат привлек мое внимание к карте, указав на русло вадии в 20 километрах к западу от аэродрома.

– Мы не ожидаем, что федаины⁷ нагрянут к нам нынче ночью, но если они успеют среагировать, то их наиболее вероятный маршрут пройдет здесь, через вадии⁸ Даффера, – проинструктировал меня комбат, показывая на карту (Рис 1).

---

¹ JCAS and the Defence of Duffer's Wadi by By Colonel D. Matthew Neuenswander, USAF, and Lieutenant Colonel D. Wayne Andrews, опубликовано в Field Artillery Magazine, sept-oct 2004.

² Tactical operations center, TOC.

³ Forward operating base, FOB.

⁴ Stryker brigade combat team, SBCT. Бригады “страйкер” представляют собой механизированные пехотные соединения с интегрированной поддержкой, использующие в качестве основного боевого и транспортного средства 8-ми колесную боевую машину “Страйкер”.

⁵ Enlisted battalion air liaison officer, EBALO

⁶ Tactical air control party, TACP.

⁷ Термин, которым авторы обозначают противника: анти-американские ближневосточные боевые формирования и террористические группы. Федаины включают как части регулярных армий, вооруженные танками, БТР, и РПГ и ПЗРК, так и партизан, использующих кустарно вооруженные автомобили и тактику смертников.

⁸ Пересохшие русла рек, заполняемые водой во время сезона дождей; также и здесь, традиционный арабский термин для пустынной долины.

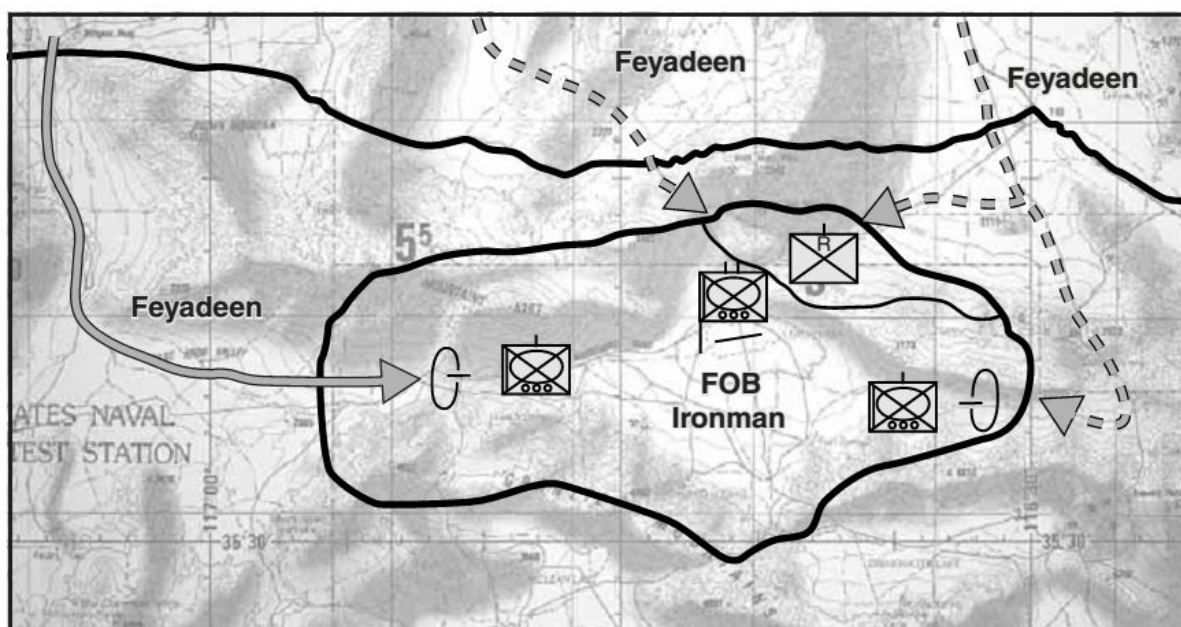

Рис 1 – общий план обороны оперативной базы Ironman

– Ведите свою роту в вادي Даффера, организуйте поспешные оборонительные позиции и удерживайте местность до дальнейших распоряжений.

Командир также отметил, что в нашем распоряжении есть только три 155-мм гаубицы M198, и запас снарядов к ним очень ограничен. Вторая рота будет выдвинута на восток, чтобы перекрыть восточные подходы к аэродрому.

– Центр непосредственной авиационной поддержки⁹ предоставит нам необходимое прикрытие с воздуха, – продолжил комбат, – так что возьмите с собой ваши ротные минометы и команду корректировщиков¹⁰. И не забудьте сверить коммуникационные протоколы с офицером-связистом перед отбытием.

– Свободной КУТА для вас у меня нет; так что до завтра все ваши запросы на воздушную поддержку будет ретранслировать батальон. Как только вы прибудете на место, радируйте предварительный план воздушной поддержки. Если нет вопросов, вы и ваши люди свободны.

Моя голова заработала. Мысленно я уже погрузился в решение бесчисленных будущих проблем – какие приказы я буду отдавать, как сформулировать план для обороны вادي, и так далее. Так что я сказал командиру “Все будет сделано в лучшем виде!”, и пошел прочь.

По пути в палатку связистов меня поймал СПКБАП и спросил, не хочу ли я взять с собой передового авианаводчика¹¹. Тот был придан батальону Рейнджеров, но те еще не прибыли. Очевидно, этот авианаводчик был закаленным ветераном, имел

⁹ Air support operations center, ASOC. Первичный орган управления воздушной и космической поддержкой наземных операций, напрямую подчиненный старшему командиру ВВС на театре.

¹⁰ Fire support team, FIST. Команда подчинена командиру роты и используется для целеуказания и координации артиллерийских и воздушных ударов, а также для связи со средствами огневой поддержки вышестоящих частей.

¹¹ Joint terminal air controller, JTAC.

кучу оборудования и настойчиво рвался в бой – так что он мог бы поддерживать действия моей роты в течение следующих 24 или 36 часов.

После некоторых размышлений, я решил отказаться. Моя рота прошла через многие месяцы упорных тренировок, и научилась действовать как единое целое, так что мне не хотелось превращать никого из моих солдат в няньку для парня со стороны. Со всем возможным тактом я отклонил предложение и продолжил путь.

В палатке связистов мне передали список радиосетей и частот наших подразделений, а также протоколы шифрования на следующую неделю. Лейтенант-связист спросил меня: “Сэр, я могу заморозить шифры на следующие 48 часов, и тогда вам не придется брать с собой шифры на два месяца вперед. Ваша рота первой вступает в бой, так что я оставляю решение вам”. Я взглянул на часы. Следующий месяц начинался через десять часов, так что идея показалась мне чрезвычайно дельной.

Я спросил, повлияет ли это на мою связь с батальоном, и связист ответил – “Конечно, нет. Если вы дадите добро, то я заморожу шифры для всей батальонной сети, так что они останутся в силе до завтрашнего дня, пока не будет развернут штаб бригады”.

Я согласился, и вышел из палатки с шифрами на месяц вперед, чрезвычайно довольный тем, как удачно мне удалось облегчить свою работу.

Мы закончили заправлять наши “страйкеры”, и меньше чем через час были на марше. Я подгонял роту вперед, стремясь прибыть на позиции как можно скорее, чтобы успеть провести рекогносцировку в оставшиеся светлые часы. Мы ехали вдоль довольно разбитой грунтовой дороги, что шла по центру вادي. Рота двигалась колонной с параллельным фланговым охранением.

Нам предстояло оборонять неширокое устье вادي Даффера; устье расширялось в западном направлении и переходило в большую долину. Позиции роты перекрывали самую узкую часть вادي, где русло сужалось до дефиле шириной примерно в три километра. К северу местность повышалась постепенно, южный склон напротив, был обрывистым. Оба склона вادي переходили в горы.

Моя рота состояла из 14 бронетранспортеров типа “страйкер” плюс еще одного “страйкера” группы корректировщиков, и насчитывала 150 человек. У нас имелось два 120-мм миномета и девять ПТРК “джавелин”¹². Семь 12,7-мм пулеметов и семь автоматических гранатометов МК-19 были установлены на “страйкеры”. Спешившись, три моих взвода насчитывали 12 отделений, каждое из которых имело 5,56-мм легкий пулемет.

Группой корректировщиков командовал молодой, только из выпуска, второй лейтенант; под его началом служили штаб-сержант и двое солдат. В каждом взводе имела секция корректировщиков артиллерийского огня¹³ из одного сержанта и одного солдата. Рота действовала без своих штатных колесных САУ¹⁴. Они не попали в список переброшенной по воздуху техники, чтобы освободить место для трех 155-мм гаубиц – разведка считала, что у федаинов нет крупных сил бронетехники. Наши

---

¹² FGM-148 Javelin, ручной противотанковый комплекс.

¹³ Forward observer, FO.

¹⁴ Mobile gun system, MGS. Колесная САУ на шасси “страйкера”, вооруженная 105-мм нарезной пушкой во вращающейся необитаемой башне.

“джавелины” должны были справиться с теми немногочисленными танками, что мог бросить на нас противник.

Первый сон.

Итак, мне представился первый шанс проявить себя в качестве командира. Я был уверен, что у моей роты хватит умения, оснащения и огневой мощи чтобы удержать вادي от намного превосходящего противника.

После быстрой рекогносцировки я решил обустроить ротный командный пункт на северном склоне. Я разместил свои взводы “страйкеров” в виде вогнутой дуги поперек русла вادي (Рис 2). Группа корректировщиков заняла позицию в центре позиций роты, а минометная батарея расположилась на южном фланге, в укрытие за большой скалой. Мы находились примерно в четырех километрах от устья вادي, так что появившийся в дефиле противник попал бы под перекрестный огонь всей роты – вдобавок к той бомбардировке, что я смогу навести.

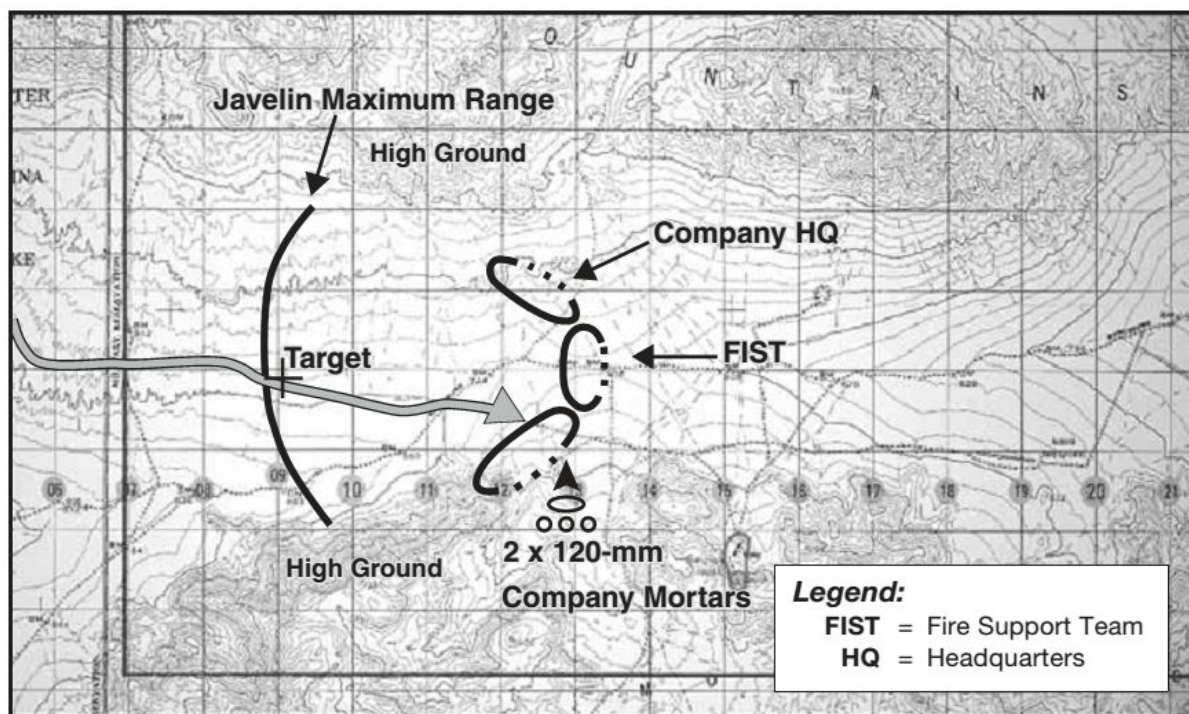

Рис 2 – оборонительные позиции роты в вادي Даффера – первый сон.

В моем “страйкере” затрещало радио – это комбат вызывал меня. Он хотел узнать, заняли ли мы позиции. Комбат также сообщил, что СПКБАП ожидает моих запросов на воздушную поддержку.

Я доложил, что моя рота заняла условленные позиции, не встретив никакого сопротивления. Воздушная поддержка мне пока не нужна, но как только она понадобится, я немедленно радирую в штаб батальона. Командир батальона сообщил, что с полуночи наш сектор начнет получать данные с комплекса JSTARS¹⁵, и центр боевого управления начнет передавать нам данные по обстановке сразу после

¹⁵ Joint surveillance and target attack radar system, Воздушный (размещенный на борту самолета Northrop Grumman E-8) комплекс наблюдения за наземной обстановкой, целеуказания, наведения и контроля.

их получения. Мне также было приказано докладывать каждые два часа и немедленно сообщать о любом контакте с противником.

Когда я отложил микрофон, солнце как раз садилось. Солдаты ужинали полевыми рационами прямо на позициях, и просто излучали уверенность. К западу в самом устье вади местность повышалась; гребень этого холма находился как раз на дистанции действительного огня моих минометов и “джавелинов”. Я приказал своим взводным нацеливать “джавелины” на любой появившийся танк или БТР, а 12,7-мм пулеметы и АГС – на легкую небронированную технику. Мои корректировщики подготовили данные для огня по этому дефиле.

Ночь выдалась ясной и прохладной. Светила полная луна, так что мы почти не пользовались нашими ПНВ¹⁶ и тепловизорами. Я был твердо убежден, что рота готова ко всему, что могут бросить против нас федаины. Любого чудилу, что сунет нос через гребень в устье вади, ожидал неприятный сюрприз.

Вскоре после полуночи меня вызвал комбат и сообщил, что радары JSTARS засекли скопление из примерно 60 машин в 18 километрах к западу от нашей позиции, которые двигались в нашу сторону. Если они не изменят скорость, то окажутся у дефиле вади Даффера примерно через 40 минут. Я передал эти данные своим взводным, и приказал привести роту в полную готовность.

В конце-концом на гребне показался одинокий танк с фланговой поддержкой из двух пикапов; он выехал на вершину холма и остановился. Нельзя было позволить ему нацелиться на один из моих “страйкеров”, так что я приказал открыть огонь из “джавелинов”. Первый же пуск привел к прямому попаданию, и танк рванул, как римская свеча, осветив пламенем все вади.

Сразу после этого появились еще один танк и несколько вооруженных пикапов. Я вызвал огонь гаубиц и минометов. Спустя всего несколько секунд устье вади скрылось за стеной из огня и взрывов. Три пикапа были подбиты, а танк отступил.

Комбат сообщил, что по данным JSTARS, противник рассредотачивает силы на рубеже в четырех-пяти километрах к западу от моей позиции. Мой план обороны пока что работал, как по маслу: все, что проходило устье вади, встречало неминуемую смерть. Мне оставалось только ждать, пока федаины не наберутся смелости для новой атаки.

В течении следующего часа противник не появлялся. К несчастью, мы заметили движение слишком поздно: когда мы спохватились, спешенная пехота федаинов уже двигалась в холмах к северу и югу от русла вади. Мы немедленно обстреляли из минометов и пулеметов. Часть федаинов была убита, но те, что остались, продолжили обходить нас с фланга. Под конец с хребта на южном склоне вади по нам открыли sporadический огонь из автоматического оружия и РПГ¹⁷.

Я приказал лейтенанту корректировщиков подготовить огонь по южному хребту, и как раз в этот момент на связь снова вышел командир батальона. Оказалось, что по данным JSTARS, группа транспортных средств собирается как раз за пределами моей зоны поражения, напротив устья вади. Я сказал, что в случае атаки этой группы мне понадобится мощная артиллерийская поддержка, но он ответил, что у гаубиц осталось снарядов только на минуту огня на поражение.

---

¹⁶ Прибор ночного видения.

¹⁷ Ручной противотанковый гранатомет.

Пока я обсуждал огневую задачу вместе с лейтенантом корректировщиком, его “страйкер” получил прямое попадание из РПГ. Горящий транспортер осветил все позицию роты целиком, и точность вражеского огня из автоматов и РПГ немедленно возросла. По ротной сети стали поступать доклады об убитых и раненных, и в этот момент через гребень высоты в устье вادي перевалили два танка и примерно двадцать грузовиков. Они двигались очень быстро.

Я снова схватил микрофон и заорал приказ моим взводным сосредоточить огонь “джавелинов” по танкам. Пусковые установки выплюнули огненные пальцы ракет, и в течение тридцати секунд оба танка были уничтожены – но перед этим один из них успел выстрелить, и подбил “страйкер” на левом фланге, который все еще освещали сполохи от горящего транспортера корректировщиков.

На вادي обрушился огонь 155-мм гаубиц; в этот момент грузовики уже успели преодолеть половину пути. Мы обстреливали их из всех стволов, и за минуту половина прорвавшихся машин была уничтожена или охвачена огнем.

Внезапно один из горящих грузовиков взорвался, выбросив в небо гигантский огненный шар. В этот момент я понял, что прорвавшиеся грузовики не везут пехоту – и каждый из них, похоже, направлялся прямо на один из “страйкеров”. За рулем сидели подрывник-смертники, и они точно знали позицию каждого из моих транспортеров. В это самое время с северных высот нас обстреляли из РПГ, подбив еще два “страйкера”. Рота потеряла четыре машины меньше, чем за пять минут.

Только четыре грузовика остались на ходу. Я с ужасом наблюдал, как они виляют вправо-влево, и на полной скорости приближаются к нам. Я стоял метрах в пятидесяти от своего командного “страйкера”, когда в него въехал несущий бомбу грузовик. Мир потемнел.

Очнувшись некоторое время спустя, я услышал шум машин, ехавших по вادي на восток, а также голоса, что переговаривались на незнакомом языке. Моя голова раскалывалась от боли. Отчасти боль вызывала контузия после взрыва, но вместе с тем я мучился от того, что провалил миссию, а вся моя рота оказалась уничтожена.

Обдумав сложившееся положение, я сделал несколько выводов:

1. Мне дважды предлагали непосредственную авиаподдержку, и я дважды ее отверг. При этом рота потерпела поражение, поскольку огневой мощи в моем распоряжении оказалось недостаточно, чтобы поразить всех атакующих нас федаинов. В следующий раз я должен позаботиться о том, чтобы включить непосредственную поддержку с воздуха в мой план огня.

2. Моя основная позиция была выбрана правильно; однако, холм в устье вادي позволил противнику концентрировать силы втайне от моих глаз – и когда федаины атаковали, мы не смогли убивать их достаточно быстро. Я должен выдвинуть мою команду корректировщиков на такую позицию, откуда они смогут наблюдать противника еще на подходе, и заблаговременно навести на него огонь.

Второй сон.

Вдруг мир изменился. Я снова выходил от батальонного командира вместе со своим заместителем; мы направлялись в палатку связистов. После секундной растерянности я понял, что я опять переживал тот же самый день, получив в то же самое время такие же приказы – неужели в первый раз это был только сон? На этот раз я стал мудрее, так как хорошо усвоил уроки, выведенные из первого боя.

Как раз в этот момент ко мне подошел СПКБАП, и снова предложил мне взять с собой авианаводчика Рейнджеров. Я снова отказался. В этот раз я добавил, что пришлю запрос на авиаподдержку сразу же, как только ознакомлюсь с местностью, и буду ожидать его полного содействия. СПКБАП заверил меня, что окажет полное содействие и сделает все возможное.

Затем мы посетили связистов. Я сразу попросил лейтенанта заморозить текущие коды до завтра, чтобы облегчить мне связь. Он согласился. Я вышел от него с шифрами на месяц вперед, размышляя о предстоящем сражении.

Снова я подгонял роту, чтобы добраться до места как можно быстрее, и по максимуму использовать светлое время для обустройства обороны. Я использовал такое же построение роты в виде вогнутой дуги, и разместил минометы на том же месте. В этот раз я велел команде корректировщиков выдвинуться в холмы на правом фланге и подняться так высоко, насколько возможно (Рис 3). Я хотел, чтобы они просматривали подходы к устью вади, и могли направить артиллерию на федаинов прежде, чем те увидят нас.

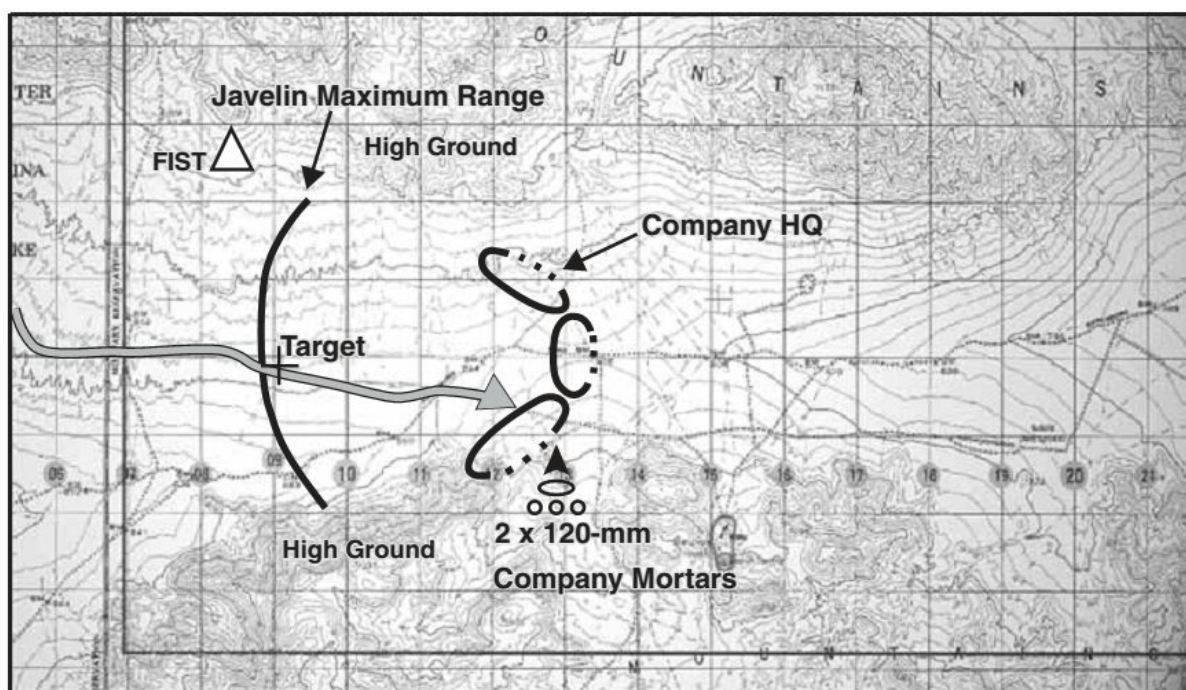

Рис 3 – оборонительные позиции роты в вади Даффера – второй сон.

Я сообщил офицеру-корректировщику, что планирую направить на противника артиллерийский огонь, а затем нанести воздушный удар, чтобы сохранить достаточно снарядов для заградительного огня перед нашими позициями. Кроме того, как и в прошлый раз, корректировщики подготовили данные для огня по дефиле в устье вади. Они пригодятся в том случае, если обстоятельства вынудят меня отозвать корректировщиков назад к позициям роты.

Когда “страйкер” корректировщиков поехал на северной гряде, я связался с батальоном чтобы запросить воздушную поддержку. Я сказал СПКБАП-у, что для начала мне нужно прикрытие с воздуха с момента наступления темноты до 12:00 завтрашнего дня. Он ответил, что я могу рассчитывать на прикрытие из двух F-16, оснащенных модулями LANTIRN¹⁸; истребители будут над нами начиная с полуночи, в то же время, как на дежурство выйдет самолет JSTARS. Модули LANTIRN позволяли пилотам чрезвычайно точно определять цели даже ночью. Используя данные радаров “воздух-земля” системы JSTARS, эти истребители могут нанести огромный урон противнику.

СПКБАП также сказал, что пары штурмовиков A-10 смогут прикрывать нас с 04:00 до восхода солнца. Он спросил, не могу ли назначить зоны безопасности для авиации¹⁹, и развести по месту действия авиации и артиллерийский огонь. Поскольку мои корректировщики никогда подобным не занимались, а кроме того только что уехали, я ответил: “Нет, мы разведем их по времени – сначала используем артиллерию, а затем авиацию”. Я понял причину его опасений: на такой дальности траектории 155-мм снарядов должны быть очень высокими, так что они могли представлять угрозу для подлетающих к полю боя истребителей.

Я все еще думал, что примененный ранее план огня был в целом верным, так что я снова приказал моим взводным сконцентрировать огонь “джавелинов” по танкам и БТР, а крупнокалиберные пулеметы и АГС – по небронированной легкой технике. В этот раз я добавил, что следует ожидать атаки смертников на заминированных грузовиках. По любой машине, что попытается приблизиться к нашим позициям на высокой скорости, должны открывать огонь “джавелины”,

Солнце садилось. Рота заканчивала последние приготовления, и команда корректировщиков проверяла радиосвязь. Даже в бинокль я едва мог разглядеть “страйкер” корректировщиков, который занял позицию в трех километрах впереди и примерно в 250 метрах выше уровня русла вади. Они были скрыты от наблюдателей с запада, и должны были хорошо просматривать всю долину вместе с дальними подходами.

Я доложил обстановку комбату и приказал водителю сварить кофе; нас ожидала долгая ночь. Присев отдохнуть, я снова восстановил в памяти события предыдущего сна. Неужели из того боя можно извлечь только два урока? Достойно ли я подготовился в этот раз? Убедив себя, что все сделано верно, я решил воспользоваться последними светлыми минутами, чтобы лично осмотреть позиции.

---

¹⁸ Low-altitude navigation and targeting infrared for night, система низковысотной навигации и ночного инфракрасного прицеливания.

¹⁹ Airspace coordination areas, трехмерный сектор пространства в районе цели, определенный уполномоченным сухопутным командиром, в котором дружественная авиация может действовать без угрозы со стороны огня дружественных сухопутных сил.

В полночь я вызвал СПКБАП-а и запросил данные с радаров JSTARS. Он ответил через 10 минут, сообщив, что радары “воздух-земля” засекли колонну из примерно 60 машин в 18 километрах на северо-запад от моей позиции. Если они не изменят скорость, колонна будет на наших позициях через 40 минут.

Я запросил текущие координаты этой колонны федаинов и немедленно получил их. Связавшись с взводными, я сообщил им обстановку и велел готовиться к бою.

Наконец я связался с командой корректировщиков и предоставил им данные о противнике. Я повторил свое указание: начинает артиллерия, затем они связываются со СПКБАП-ом и координируют воздушные атаки. Только в этот момент до меня дошло, что у нас не будет прямой связи с пилотами; все радиопереговоры придется транслировать через СПКБАП-а в батальонном центре боевого управления. Но эта трудность не пошатнула мою уверенность в успешном исходе дела.

Примерно через 30 минут лейтенант-корректировщик доложил, что вражеская колонна замечена и находится в зоне досягаемости артиллерии. Я приказал начать обстрел и остался у радио слушать его переговоры. Корректировщик действовал как по учебнику; спустя всего полторы минуты первые снаряды просвистели над нашими головами. Послышались разрывы, но гребень холма не позволял увидеть результаты, и я запросил доклад. Корректировщики ответили, что снаряды упали в голове колонны; противник рассеивается и на высокой скорости пытается укрыться в северных и южных склонах долины. Лейтенант скорректировал еще два залпа, после чего огонь пришлось прекратить. Мы потратили всю назначенную норму, сохранив только небольшое количество снарядов на крайний случай для заградительного огня перед нашими позициями.

Лейтенант корректировщиков в возбуждении кричал, что наблюдает шесть горящих машин, и одна из них взлетела на воздух в огромном взрыве – так, как будто это был грузовик с боеприпасами. После чего он доложил, что противник продолжает движение к устью вади на высокой скорости. Лейтенант связался со СПКБАП-ом, с их совместной помощью пилоты F-16 визуально определили цели и наши позиции.

СПКБАП вышел на канал и сказал, что первый истребитель начнет атаку через 30 секунд. Как раз в этот момент на гребне высоты в устье вади показался вражеский танк. Я только собрался подстегнуть мои “джавелины”, как в ту же секунду танк превратился в огненный шар. “А эти летуны – парни не промах”, – подумал я про себя.

Через пару секунд, еще один взрыв прозвучал несколькими милями западнее – слишком далеко, чтобы сказать, что именно взлетело на воздух. Я услышал, как реактивные самолеты с ревом проносятся в вышине, а затем прозвучало еще два взрыва. Лейтенант корректировщик доложил, что около половины грузовиков остановились неподалеку от устья вади и выгружают пехоту. Оставшиеся грузовики и несколько танков направляются в дефиле, пытаясь на скорости уклониться от авиаудара.

Я приказал лейтенанту перенацелить истребители на дефиле; в этот момент за гребнем разорвались еще две бомбы. Мой план работал блестяще – мы задавали федаинам жару. Только я схватил микрофон, как через гребень перевалили пять грузовиков и помчались вперед, виляя на большой скорости из стороны в сторону. Я вызвал взводных, приказав им сосредоточить огонь на этих грузовиках. “Джавелины” и

крупнокалиберные пулеметы ударили по целям, и почти мгновенно подожгли три машины.

Два грузовика взлетели на воздух, и яркие вспышки почти ослепили нас. Приборам ночного видения потребовалось несколько секунд на перенастройку, и эти секунды я провел как на иголках – нужно было убедиться, что все прорывающиеся грузовики уничтожены. Я слышал, как корректировщик наводит минометы на дефиле прямо перед нами. Еще два “джавелина” выпустили ракеты, и я начал слышать грохот минометов, смешанный с перестуком 12,7-мм пулеметов.

Последовал еще один сильный взрыв, на этот раз уже в километре перед нами, и ПНВ вырубил еще на секунду. По сети один из моих взводных орал приказы наводчику “джавелина”, прошипела пущенная ракета, и на удалении 300 метров от позиций последовал еще один взрыв. С содроганием я осознал, что все пять прорвавшихся грузовиков везли взрывчатку и управлялись смертниками.

Мы отлично справились с угрозой; однако теперь в вادي ярко горели пять машин, ярко освещая все вокруг, в том числе и наши позиции – хуже того, это делало наши ПНВ почти бесполезными. Я вызвал корректировщиков и спросил, где противник и доступна ли еще авиаподдержка. Он ответил, что истребители сбросили все бомбы, но могут атаковать бортовыми пушками. Также он сообщил, что СПКБАП отозвал F-16 от устья вادي, поскольку нужно было освободить воздух для того, чтобы использовать артиллерию.

Я спросил, когда мы можем ожидать новых истребителей с бомбами на пилонах, и СПКБАП вклинился сообщить, что новая пара прибудет через 20 минут. Я повесил микрофон и попытался осмотреться. Мне удалось заметить вспышку в гряде холмов справа, похожее на попадание РПГ – примерно в том районе, где стоял “страйкер” корректировщиков. Через несколько минут с высот на севере и на юге по нам открыли спорадический огонь из РПГ. Корректировщики доложили, что они в порядке, но я решил отозвать их назад и готовить заградительный огонь, пока не прибудут новые самолеты.

Вызвав взводных, я запросил отчет по расходу “джавелинов”. Оказалось, что, отражая последнюю атаку, мы выпустили половину наших ракет – а я не имел ни малейшего понятия, сколько еще сил могли бросить на ас федаины. Вдруг откуда-то из-за горящих остовов грузовиков прогремел выстрел, и в 200 метрах слева от меня один из “страйкеров” взорвался в вулкане белого пламени. Танк, *так его и так!*

Танк никак не удавалось заметить, ни невооруженным глазом, ни с помощью ПНВ – мешал яркий свет от горящих грузовиков. Наши позиции были освещены. Я кричал приказы взводным, чтобы кто-нибудь увидел танк и навел на него “джавелин”, но безрезультатно. К танку присоединился еще один, оба открыли ураганный огонь, и очень быстро они поразили еще пять “страйкеров”. Схватив микрофон, я выкрикнул: “Лейтенант, быстро наводите артиллерию и минометы на эти чертовы танки!” Это все, на что я мог рассчитывать, до того как прибудут истребители.

Ухнули ротные минометы, их залп упал неподалеку от позиции первого танка. Над головой просвистели снаряды артиллерии, которые разорвались в дефиле на расстоянии двух-трех километров перед нашим фронтом. Пламя горящих грузовиков начало гаснуть, так что я снова мог пользоваться ПНВ. Два наводчика ПТРК в ту же секунду воспользовались этим, чтобы двумя выстрелами “джавелинов” сжечь танк на северной стороне вادي. Через гребень перевалили еще несколько танков и

грузовиков. Артиллерия и минометы смогли подбить несколько грузовиков, заставив остальные машины маневрировать и уклоняться.

Я вызвал корректировщиков и спросил про остаток боеприпасов и ситуацию с воздушной поддержкой. Лейтенант ответил, что мы исчерпали запасы 155-мм снарядов, а у ротных минометов осталось 20 осколочно-фугасных выстрелов. Танк на южной стороне вادي выстрелил еще раз, и сжег “страйкер” – седьмой подбитый бронетранспортер. Мы не могли и дальше нести такие тяжелые потери.

– Направьте истребители обстреливать танки, раз уж это все что осталось! – приказал я.

Затем я переключил внимание на взводных:

– Какого черта никто до сих пор не подбил этот танк “джавелином”?

Оказалось, что танки специально обстреливали “страйкеры”, рядом с которыми размещались позиции наших ПТРК. Когда мне доложили, что запас ракет для “джавелинов” исчерпан, я даже не удивился.

Мы заметили истребитель; он проревел низко над нашими головами и обстрелял танк из 20-мм пушки. Разрывы мелких снарядов осыпали танк, сорвав бортовой экран. Бронированный зверь задымился, но не взорвался. Из южных высот в направлении истребителя полетела ракета из ПЗРК²⁰; наш F-16 выбросил гроздь тепловых ловушек и скрылся в ночном небе. Ракета прошла мимо. Оставшийся танк выстрелил по нам, промахнулся и пополз назад, скрываясь от света.

Моя рота сократилась наполовину, почти исчерпала боекомплект, а противник все еще наседал. Мы уничтожили много федаинов, но следующая мощная атака наверняка добила бы нас.

Воспользовавшись затишьем, мы стали собирать раненых возле неповрежденных “страйкеров”. Тогда на нас обрушился огонь автоматического оружия и РПГ с обоих склонов вادي. Мы стали стрелять в ответ, огонь противника ослабел, но полностью не прекратился. Лейтенант корректировщиков доложил, что его команда меняет позицию, и еще прибыли два F-16. Я спросил у него, как много вражеских машин он может наблюдать, причем меня особенно интересуют танки. В этот момент мне оставалось только жалеть, что моя команда корректировщиков не осталась на прежней позиции, с которой можно просматривать всю долину.

К этому моменту остовы сгоревших грузовиков почти потухли, но местность все еще освещала полная луна. Ведущий пары F-16 доложил через СПКБАП-а, что он видит приблизительно двадцать автомобилей и два или три танка, большинство медленно двигаются в нашем направлении. Я схватил микрофон и приказал атаковать танки.

Пилоты возразили, что бортовые системы не засекали наших позиций, так что при бомбардировке будет трудно отличить нас от федаинов. Когда я спросил СПКБАП-а почему так получилось, он ответил: бортовые приемники истребителей отслеживают кодированные сигналы наших ресиверов EPLRS²¹. Истребители

---

²⁰ Переносной зенитный ракетный комплекс.

²¹ Enhanced position locating reporting system, защищенная, помехоустойчивая, компьютерная коммуникационная сеть для обмена тактической информацией в режиме реального времени, интегрированная в радиооборудование. Предназначена для обмена цифровыми данными, геолокации позиций и ведения радиопереговоров.

отслеживают эту информацию с помощью SADL²², которые определяют наше местоположение, чтобы исключить возможность удара по своим. Приемники SADL автоматически синхронизируются со всеми ресиверами на театре.

Тут я призвал проклятия на свою голову. Так как я заморозил коды для батальона, мои ресиверы использовали вчерашние шифры, в то время как истребители использовали сегодняшние. Беда!

F-16-е сделали два захода и добились двух попаданий по танкам. Когда упала первая бомба, противник бросился в атаку. Я никогда не узнаю, рассчитывали ли федаины избежать авиаударов в ближнем бою, или просто предпочли умереть в последней отчаянной атаке.

Из 60 машин в распоряжении у противника осталось только 15 или 20. Один грузовик приблизился метров на 300, прежде чем его разбил истребитель. Осколки бомбы посыпались на нас.

Лейтенант-корректировщик сообщил, что СПКБАП требует прямого разрешения от командира роты на авиаудары в такой близости от наших позиций. Мы не успели окопаться, так что я приказал ограничить авиаудары только пушечным огнем (чтобы снизить риск), и дал самолетам разрешение атаковать.

Наблюдая, как истребители с бреющего полета обстреливают еще два грузовика в 200 метрах от наших позиций, я вызвал комбата. Я сказал ему, что скорее всего нас сомнут. Вади осветила вспышка от взрыва еще одного груженного взрывчаткой грузовика.

Теперь противник был в считанных метрах. Я как раз говорил СПКБАП-у отозвать истребители и перенаправить их на преследование прорвавшихся машин, когда в мой “страйкер” попали. Спустя несколько часов меня разбудил голос, говоривший что моя рота понесла 80% потери. Несмотря на прибытие штурмовиков A-10, которые развернули охоту за прорвавшимися через наши позиции федаинами, один из водителей-смертников смог довести свой пикап до авиабазы и взорвал штаб батальона Рейнджеров, что привело к тяжелым потерям.

Как только голова очистилась от тумана, я стал размышлять над причинами своей очередной неудачи. Стало ясно, что мне следовало бы усвоить еще несколько уроков:

3. Непосредственная авиаподдержка, артиллерия и огонь моей роты способны нанести тяжелые потери противнику. Но для того, чтобы удержать позицию против превосходящих сил, мне нужно замедлить темп вражеской атаки и наносить врагу больше урона еще до того, как он войдет в устье вади.

4. Переломный момент сражения произошел в тот момент, когда танки подбили семь моих транспортеров и остатки ПТРК. Несмотря на то, что я вызвал поддержку авиации, сформулированного плана для воздушной поддержки у меня не было. С помощью моего офицера-корректировщика и СПКБАП, я направил истребители атаковать колонну, в то время как разумнее было бы использовать против наиболее приоритетных целей – танков. Слишком поздно я понял, что истребители являются очень гибким оружием способным вывести из строя любого угрожающего мне

---

²² Situational awareness data link, приемник-терминал системы EPLRS, предназначенный для авиации непосредственной поддержки войск

противника. Теперь до меня дошло, что мне требуются не просто самолеты над головой, но и хороший план для действия авиационной поддержки, а так же канал связи, по которому этот план можно эффективно передать.

5. Я отказался от помощи авианаводчика, у которого имелась подготовка и оборудование для управления действиями ударной авиацией. Эксперт в авиационной поддержке наверняка поможет составить хороший план бомбардировки.

6. Два раза спешенная пехота противника обходила меня по высотам с обеих сторон вади. Во второй раз обстрел пехоты нанес меньший ущерб, но все же вынудил отозвать корректировщиков назад с выгодного наблюдательного пункта. Если я собираюсь удержать вади, нельзя позволять феодинам занимать фланговые высоты. Мой план использования авиаподдержки и огня артиллерии должен воспретить противнику атаку в их направлении.

7. Наконец, использование устаревших шифров вылилось в проблему взаимодействия с авиацией. Нужно убедиться, что моя рота использует те же самые коды, что и поддерживающие ее элементы.

Третий сон.

Я снова очутился у штаба батальона на пути к палатке связистов, что меня совсем не удивило. То же место, тот же день, те же приказы – но теперь я выучил семь уроков.

Тут ко мне подскочил наш СПКБАП и настойчиво предложил взять с собой авианаводчика, приписанного к батальону Рейнджеров. К его удивлению, я хлопнул его по плечу и с радостью согласился. Я даже предложил ПАН-у поехать со мной, и показал, где стоит мой командирский “страйкер”.

Я пообещал, что сразу после рекогносцировки местности я первым делом пришлю заявку вместе с детальным планом воздушной поддержки. После чего я попросил СПКБАП-а и авианаводчика встретится с моим старшим корректировщиком, чтобы составить черновой вариант плана огня, который устроит и авиацию, и артиллерию. Это нужно было сделать до того, как рота покинет лагерь.

Закончив с делами, я вошел в палатку связистов и вышел оттуда с шифрами на два месяца вперед.

По дороге к вادي Даффера я и авианаводчик совместно изучали карту. Я объяснил, что мне нужен план огневой поддержки, который позволил бы мне замедлить продвижение противника и наносить ему потери еще на подходах – иначе говоря, огонь должен быть эшелонирован в глубину, а не сконцентрирован на каком-то одном рубеже. Приоритетной целью были танки противника, кроме того я хотел помешать пехоте противника занять холмы по обе стороны от вادي. Я намеревался выдвинуть мою группу корректировщиков вперед, чтобы отслеживать цели как можно дальше от нашей линии обороны, и под конец попросил ПАН-а присоединится к ним.

Мы добрались до вادي с последними лучами дневного света. Я снова расположил взводы в виде вогнутой дуги, и установил свои 120-мм минометы в том же месте на южном фланге. До отъезда корректировщиков и авианаводчика, мы устроили короткое совещание. Я опять подчеркнул, что нужно сфокусировать удары авиации на танках, чтобы вывести их из строя как можно раньше, и приказал не вызывать артиллерийскую поддержку до тех пор, пока противник не достигнет устья вادي. ПАН заметил, что прицельные системы истребителей скорее всего, справятся с обнаружением танков в любой смешанной колонне, если только они не будут двигаться очень быстро. Я приказал ему помочь пилотам в определении целей.

Также я отправил вместе с корректировщиками четыре команды “джавелинов” с заданием не пропустить танки через дефиле в вادي (Рис 4). При отсутствии танков, второстепенной целью должны быть быстроходные машины. Как только противник приблизится, авианаводчик должен был перенацелить авиацию на пехоту федаинов, и не дать им занять гряды холмов на флангах роты.

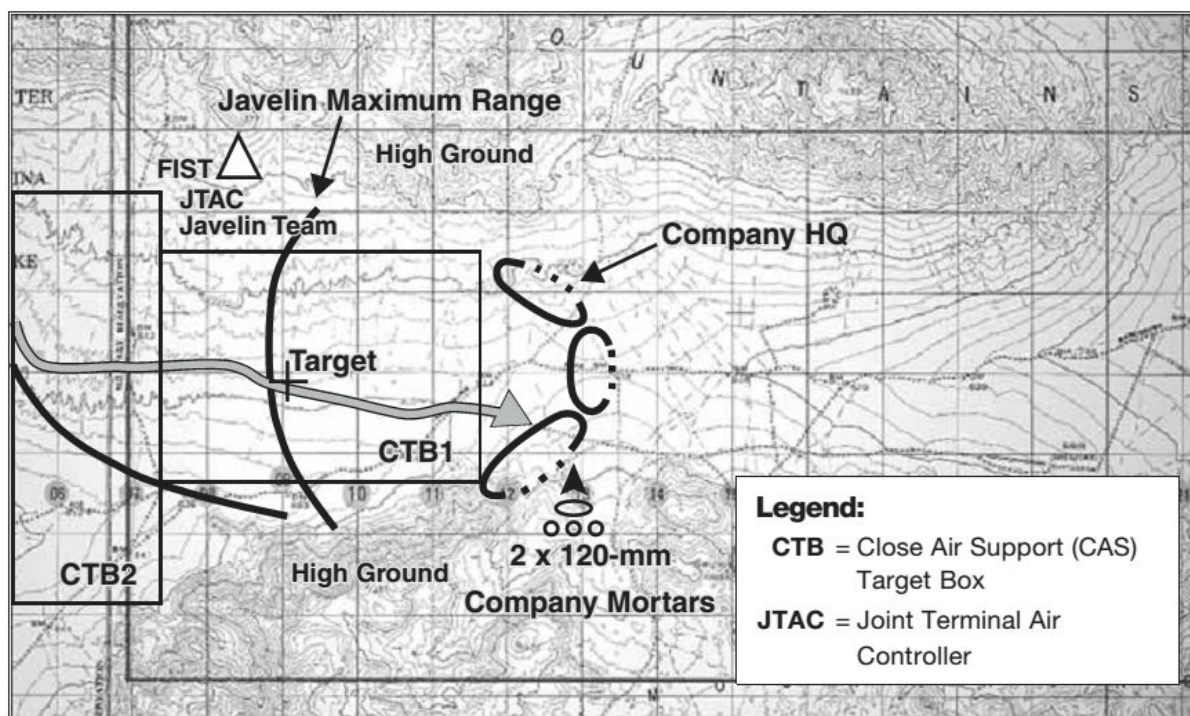

Рис 4 – оборонительные позиции роты в вади Даффера – третий сон.

Как и в прошлый раз, я приказал лейтенанту корректировщиков приготовить данные для артиллерийского удара по дефиле в устье вади. Кроме этого, я приказал ему найти несколько запасных позиций и разведать пути отхода к ним – так, чтобы в случае опасности наблюдатели смогли бы выйти из-под огня и продолжить корректировку.

Авианаводчик отметил, что предельная дальность его лазерного целеуказателя составляет примерно десять километров, и очертил на карте сектор, в котором он мог отслеживать танки. Я сказал ему работать совместно со СПКБАПом и выбивать нам всю возможную авиаподдержку, начиная с этого момента до завтрашнего полудня. Он пообещал доложить, как только запрос будет отправлен, а также немедленно сообщать о любых изменениях обстановки.

В отличие от прошлого сна, приказал моему лейтенанту-корректировщику запрашивать артподдержку только в том случае, если федаины войдут в устье вади, так что от него требовалось тесное взаимодействие с авиацией и командами “джавелинов”. Я приказал составить план с разграничением зон для артиллерийского огня и ударов авиации, а потом предоставить его мне на утверждение.

– То есть мы должны быть готовы применять авиацию и артиллерию одновременно по разным целям, и так, чтобы они не мешали друг-другу? – спросил авианаводчик.

– Да, это единственный приемлемый вариант, – ответил я.

Я был впечатлен способностями и навыками этого молодого сержанта ВВС. Он без проблем сработался с моей ротой, несмотря на то, что был для нас посторонним.

Когда машина корректировщиков уехала в холмы на правом фланге, взяв с собой ПАНа и четыре расчета ПТРК, я решил воспользоваться оставшимся светлым временем и обойти позиции.

Около 22:00 мне корректировщики и ПАН радировали мне их план (Рис 5).

В случае боя внутри вад, максимальная высота полета артиллерийских снарядов составит 16 тыс. футов²³ над уровнем земли. Истребители могут находиться в зоне ACA BLUE и постоянно сбрасывать бомбы с лазерным наведением с высот, превышающих указанную, не опасаясь попасть под собственную артиллерию. Если понадобится сделать заход с меньшей высоты, например чтобы использовать бортовое вооружение или неуправляемые бомбы, мы нужно будет приостановить артиллерийский огонь только на время этого захода.

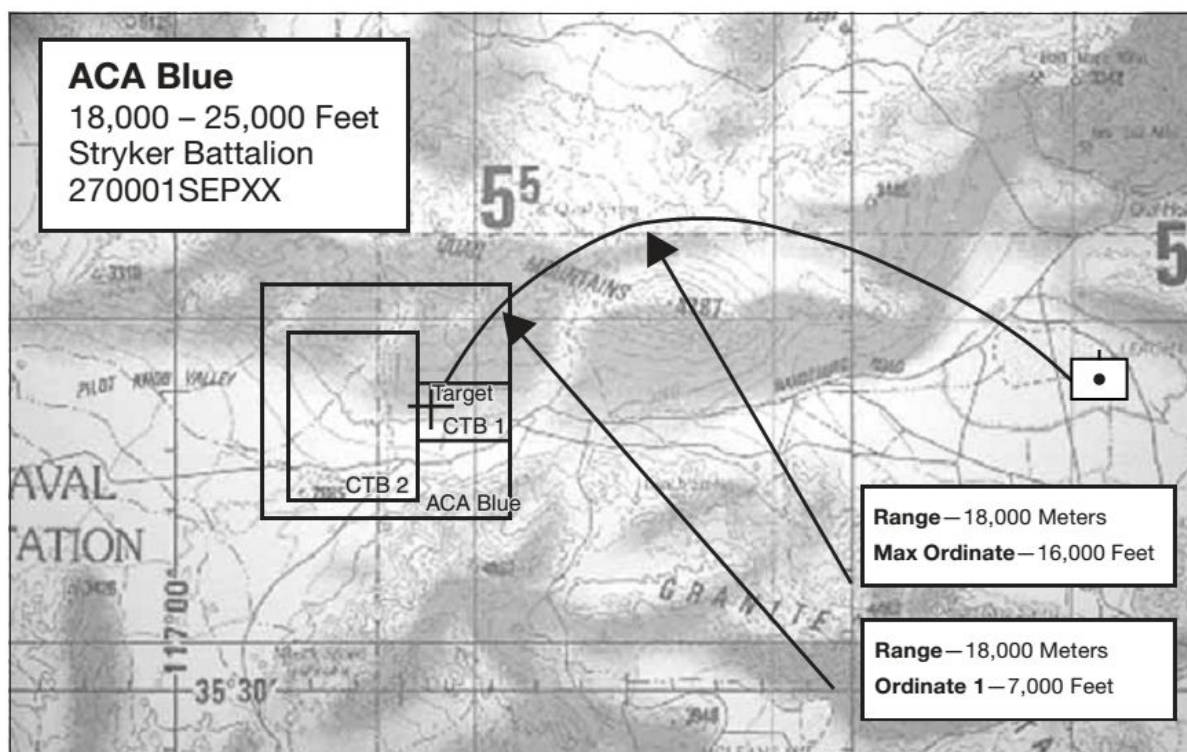

Рис 5 – план угрожаемых зон для авиации в обороне вад Даффера – третий сон.

Я вызвал комбата и сообщил ему, что рота готова к бою. Затем я засел в своем “страйкере” и воспользовался затишьем, чтобы выпить чашечку кофе.

К 23:45 я не находил себе места. Адреналин будоражил кровь, и я не мог не думать о бое, который вскорости ожидал мою роту. Готовы ли мы на этот раз? Применил ли я все полученные в предыдущих снах уроки? Я вспомнил фразу, что любил повторять мой инструктор: “у врага тоже есть “право голоса””. Сегодня, если все пойдет как задумано, я собирался даже не пустить федаинов на избирательный участок.

Радио затрещало, и этот звук вернул меня к текущим делам. Как раз вовремя. СПКБАП сообщил, что радары JSTARS засекли колонну противника общей численностью около 60 единиц техники, в 18 километрах к северо-западу от нашей позиции. Два F-16 уже отправились на перехват. Эта колонна направлялись прямо к вад Даффера, и должна была быть у нас через 40 минут, если только мы их не притормозим.

²³ около 5400 метров

Я схватил микрофон, вызвал авианаводчика и спросил, засекли ли истребители танки в этом конвое. Через пару минут СПКБАП вышел на связь и доложил, что самолеты насчитали более 15 танков. До того, как я снова вызвал ПАН, он сам вышел на канал и доложил, что действует согласно утвержденному плану. Через минуту я услышал отдаленный шум реактивных двигателей, а затем увидел вспышки, за которыми вскоре последовал рокот разорвавшихся бомб.

Я подождал пять минут и запросил у авианаводчика свежий отчет. Он сказал, что истребители поймали конвой в 15 километрах к северу и устроили “постреляшки по танкам”. Колонна рассыпалась на все четыре стороны и была совершенно дезорганизована. Авианаводчик добавил, что уже запросил у нашего СПКБАП-а еще одну звено истребителей, другую группу истребителей, поскольку у пары над нами, хоть летчики и рвались в бой, хватало бомб только на восемь танков, да и то при условии 100% точности попаданий.

СПКБАП доложил, что следующая пара уже на подлете, и мы можем ожидать прибытия свежей пары истребителей примерно каждые 45 минут. После короткого размышления я запросил статус F-16-х, что сейчас атаковали конвой. ПАН ответил – три бомбы и топлива на 30 минут патрулирования. Я приказал ему отозвать истребители и отправить их в зону ожидания.

Вытащив карту, я приказал авианаводчику держать истребители наготове, и повторить атаку только в случае, если танк или организованная колонна пересекут координатную линию в 10 километрах к северу от нас. Через 20 минут истребители сбросили остатки загрузки при повторной атаке рассеянного конвоя, целясь в оставшиеся на ходу танки. ПАН понял, что я хочу замедлить и измотать противника, при этом не давая ему приблизиться.

Я ненадолго сменил частоту, и сообщил моим взводным о том, что происходит всего в нескольких километрах к северу. Через 20 минут я снова связался с авианаводчиком, который передал мне доклад истребителей: противник перегруппировывается. Я приказал направить дежурную пару домой и проверить статус следующей пары истребителей. Вскоре я увидел очередные вспышки и услышал три мощных взрыва. ПАН сообщил, что истребители уничтожили шесть танков и еще один вероятно, и передали эстафету следующей дежурной группе.

На протяжении следующего часа мы продолжали наводить все новые и новые прибывающие пары истребителей на конвой. Во время бомбардировки машины феодаинов рассыпались в стороны, начинали ездить зигзагами или по кругу. Что, однако, не мешало истребителям отстреливать свою законную часть добычи.

Противник начал отстреливаться из ПЗРК. Истребители ушли выше, чтобы не входить в зону поражения, и больше не могли уверенно отличать танки от БТР и грузовиков – пламя от горящих машин сбивало с толку их прицельные тепловизоры. Мы уже привыкли к вспышкам и к глухим взрывам, когда вдруг что-то бумкнуло гораздо сильнее. Авианаводчик доложил, что истребители предположительно попали в грузовик с боеприпасами. Я считал, что пилоты подорвали шахидомобиль.

Я снова вызвал взводных, предупредив их об угрозе смертников на заминированных авто, и приказал готовиться к бою согласно плана – на случай, если враг все же начнет двигаться на юг. Затем я запросил у авианаводчика отчет. Он сообщил, что истребители поразили 18, возможно 20, транспортных средств, и что конвой пока дезорганизован, но начинает движение на юг. По видимому, феодаинам

надоело нести потери – они спешат уйти с открытой равнины, чтобы скрыться среди холмов к северу и югу от устья вади.

Парой минут позже ПАН сообщил, что два дежурных истребителя сбросили всю нагрузку, а следующая пара будет на точке через 20 минут или более. Мне не хотелось раскрывать позиции моих ПТРК, но и оставлять врага в покое было нельзя.

Тем временем противник пересек 10-км отметку и вошел в зону наблюдения команды корректировщиков. Я спросил авианаводчика, может ли он подсветить лазером цели, для того, чтобы истребители атаковали их пушками. “Я попробую”, – ответил он. Тут вклинился СПКБАП и сказал, что это невозможно – истребителям запрещено опускаться ниже 3 км, если только они не оказывают поддержку войскам, что находятся в огневом контакте с противником. Я ответил, что это ограничение надо отменить: либо истребители обстреляют и остановят грузовики, либо федаины таки доберутся до холмов, и тогда *едренамать* рота точно вступит в огневой контакт. СПКБАП вызвал центр непосредственной авиационной поддержки, и за несколько минут выбил разрешение отменить установленную планку высотности.

Раз пять-шесть я видел, как пикируют F-16 и пламя вырывается у них из носа; звук был такой, как будто рвется бумага, смешанный с высоким ревом. Истребители смогли поразить только две машины, тем не менее конвой развернулся на север. Во время одного захода в небо взлетела ракета, но наш самолет сбросил тепловые ловушки и отвернул целым и невредимым.

У дежурных F-16 закончился керосин, а следующая пара все еще была в 10 минутах лету. После очередной пары истребителей мы ожидали прибытия двух пар A-10.

Почти пробило 03:00, а рота до сих пор так и не увидела ни одного злобного урюка. Но прошлый опыт подсказывал мне, что расслабляться не стоит. Если враг решится на атаку, настанет время задействовать корректировщиков и артиллерию. По самым оптимистичным подсчетам, у противника оставалось 30-40 транспортных средств, они двигались в нашем направлении и находились теперь всего в 4 километрах от устья вади. Если враг прорвется через огневой заслон, то придется ввести в бой “джавелины”, расположенные на северной гряде.

Я передал свои соображения лейтенанту корректировщиков и взводным. ПАН-у я приказал направить следующую группу истребителей на охоту за танками в зоне 5 км от устья вади. Истребители подтвердили приказ; их системы принимали сигналы наших ресиверов, так что пилоты видели позиции роты и могли не опасаться открыть огонь по своим.

Лейтенант-корректировщик выкрикнул предупреждение: группа из восьми машин пошла к нам на высокой скорости. Я приказал придержать артиллерию, решив, что первыми будут стрелять команды “джавелинов”, что располагались на северной гряде вместе с корректировщиками. Мои взводы внутри вади получили приказ не открывать огня, пока противник не приблизится на 500 метров. Сразу после этого четыре грузовика и БТР пересекли гребень высоты в устье вади, а следом за ними ползло что-то похожее на танк. Я так и не успел рассмотреть их толком, потому что в этот момент четыре огненные стрелы вылетели с северной гряды, прочертили небо и мой ПНВ ослеп. Четыре взрыва грянули почти мгновенно, и половина машин взлетела на воздух. Следом взорвались 500-фунтовые авиабомбы, и в вади стало светло как днем.

Пока “джавелины” перезаряжались, два оставшихся грузовика пронеслись мимо горящих остовов и поехали к нам. Я разрешил открыть огонь, и три выпущенные ракеты подбили еще два грузовика. Хотя они приблизились только на 800-900 метров, взрывная волна от грузовиков оказалась невероятно сильной. Должно быть, они были набиты тысячами фунтов взрывчатки.

К западу от вад сверкнула вспышка, затем я услышал взрыв где-то в районе позиций моих корректировщиков. Лейтенант взволнованно сообщил по радио, что по ним бьет танк – и он находится за пределами досягаемости “джавелинов”. Танк похоже обездвижен, и стреляет наугад, но скорее всего он сможет засечь и подавить позиции ПТРК, если те откроют огонь.

ПАН немедленно подсветил танк лазером для F-16. Он сообщил, что видит еще три танка на подходе, и нет уверенности, что истребители успеют подбить их все. Кроме того, за танками следовали оставшиеся 25-30 машин, и они ускоряли ход.

Я распорядился сосредоточить огонь истребителей и “джавелинов” на танках, и приказал лейтенанту корректировщиков вызвать артиллерию и минометы в тот момент, когда техника войдет в вад. Нужно было держать противника под огнем, чтобы у пехоты не было возможности спешиться и открыть ответный огонь.

Горящая техника все еще освещала окрестности, так что наши позиции внутри вад оставались на виду.

Истребители успели подбить один танк, до того как еще два вошли в вад. “Джавелины” с северной гряды поразили один из них, еще две ракеты промахнулись по оставшемуся. Танк федаинов полз вперед и открыл огонь из пушки и пулеметов по “страйкеру” справа от меня.

ПАН прокричал, что один из F-16 прицелился по танку, но тот подошел так близко, что в зоне поражения теперь находились мы. Пилоту требовалось мое прямое разрешение на атаку. К счастью, отвечать мне не пришлось. Слева от меня взлетела ракета ПТРК, которая угодила прямо в танк.

Снаряд из танковой пушки прошел мимо, но пулеметный огонь повердил “страйкер” и нанес нам первые потери.

Над головой просвистели снаряды артиллерии, одновременно с этим глухо бумкнули наши минометы. Лейтенант-корректировщик прекрасно рассчитал залп – как раз в этот момент два десятка автомобилей поднялись на вершину холма в устье вад, только чтобы исчезнуть среди дыма и пламени от 155-мм снарядов, 500-фунтовых бомб и 120-мм минометных мин. Некоторые расчеты ПТРК все еще могли разглядеть цели в этом аду, и продолжили стрелять по оставшимся.

Два грузовика проскочили на левом фланге, и тут каждый каждый крупнокалиберный пулемет моего южного взвода наспиговал их свинцом. Грузовики остановились, загорелись и затем взорвались, превратившись в огромные огненные шары. Снова чертовы шахидомобили!

Корректировщики доложили, что противник отходит и попросили разрешения прекратить огонь артиллерии и минометов. Я согласился, но сказал авианаводчику продолжать воздушные атаки. К несчастью, наша дежурная пара F-16 уже сбросила всю загрузку – но ситуация выглядела так, что у нас намечается передышка.

По докладу артиллеристов, мы расстреляли весь доступный боекомплект, за исключением небольшого остатка на крайний случай. У федаинов осталось на ходу не более 10-15 машин. Я хотел было приказать истребителям снижаться и задействовать

пушки, но тут ПАН обрадовал меня известием, что на дежурство заступили два штурмовика А-10. Эти самолеты встали в круг над остатками конвоя, и за десять минут непрерывных атак “вархоги” добились все, что осталось.

Было 04:30, когда СПКБАП вызвал меня и сообщил, что радары JSTARS больше не фиксируют никакого движения к западу от моей позиции. Небо на востоке только начинало светлеть. Наши потери насчитывали трех раненых: двое в русле вади, и один из корректировщиков на северной гряде. Один “страйкер” надо было отбуксировать на аэродром для ремонта. Я вызвал комбата и рапортовал; он пообещал смену в течении шести часов. Транспортные самолеты С-17 садились без помех, и основные силы бригады уже разгружались на аэродроме. Я выставил караулы, и отправил свободных солдат поспать пару часов.

Эпилог.

Не успел я прилечь, как кто-то стал тормошить меня за плечо. Я открыл глаза, и понял, что нахожусь в Штатах. Меня разбудил мой ротный сержант; у нас было два часа чтобы загрузить “страйкеры” на С-17. Нам предстояло лететь за океан в качестве авангарда сил операции “Бдительное Прозрение”.

Неужели вся эта история была лишь сном? Только время покажет.